

УДК 314.151.3-054.73

Попова, О. (2018). Детерминанты и уровни социальной интеграции вынужденных мигрантов в украинском обществе. *Социологические студии*, 2(13), 14–21. <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-14-21>

Детерминанты и уровни социальной интеграции вынужденных мигрантов в украинском обществе

Ольга Попова –
аспирант кафедры социологии,
Харьковский гуманитарный
университет «Народная
украинская академия», Харьков,
Украина
E-mail: olga.al.popova@gmail.com

Olga Popova –
post-graduate student of
Department of Sociology,
Kharkiv Humanitarian University
«People's Ukrainian Academy»,
Kharkiv, Ukraine
E-mail: olga.al.popova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6027-5354>

DOI:
<https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-14-21>

Received: October, 2018
1st Revision: October, 2018
Accepted: November, 2018

Проблема социальной адаптации вынужденных мигрантов остается актуальной для Украины спустя четыре года после первой волны миграции, вызванной вооруженным конфликтом на Донбассе и аннексией Крыма. В статье рассматриваются основные детерминанты социальной интеграции вынужденных мигрантов, а также уровни социальной адаптации и их показатели. Анализ результатов ранее проведенных исследований показал, что основными факторами, тормозящими интеграцию вынужденных мигрантов, являются нерешенность проблемы с жильем для многих мигрантов; низкий уровень доходов, недостаточный для комфортной жизни; ограничения избирательных прав, обусловленные статусом внутренне перемещенных лиц. Выявлены показатели высокого, среднего и низкого уровней социальной адаптации вынужденных мигрантов. Делается вывод, что различие в уровне социальной адаптации вынужденных мигрантов является следствием разного объема социокультурного капитала, который они имели до переселения.

Ключевые слова: социальная адаптация, вынужденные мигранты, внутренне перемещенные лица, социокультурный капитал.

Popova Olga. Determinants and Levels of Social Integration of Reluctant Migrants in Ukrainian Society.

The paper examines the main determinants of social integration of reluctant migrants, analyzes data from previous studies concerning adaptation and integration of internally displaced persons in Ukraine, compares factors that contribute to the integration and adaptation of reluctant migrants, and discusses indicators of various levels of adaptation (high, medium and low). The analysis has shown that the main factors hindering the integration of reluctant migrants are the following: the unsolved housing problem for many migrants; low income insufficient for a comfortable life; restrictions on voting rights, which is inherent for the status of internally displaced persons. As criteria of distinction, we use the following grounds: the availability of housing; satisfaction with living conditions; type of employment; qualification compliance with the needs of the local market; income level; citizenship or reluctant migrant status; access to basic social benefits; social contacts with local people; duration of stay in a new place of residence; life satisfaction; satisfaction with the relationship with the new environment; optimistic assessment of the life situation; sense of belonging to a host society; subjective assessment of the attitude of the host society towards migrants. Analysis of the situation shows a significant discrepancy in the level of adaptation among different groups of reluctant migrants. At the same time, reluctant migrants from the zone of military conflict in the Donbass have almost the same conditions after resettlement, which are provided by the homeland and the host communities. This allows one to conclude that the difference in levels of adaptation depends on the difference in the volumes of socio-cultural capital that migrants had before resettlement.

Key words: social adaptation, reluctant migrants, internally displaced persons, socio-cultural capital.

Попова Ольга. Детермінанти та рівні соціальної інтеграції вимушених мігрантів в українському суспільстві. У статті розглянуто основні детермінанти соціальної інтеграції вимушених мігрантів, а також рівні соціальної адаптації та їх показники. Аналіз результатів раніше проведених досліджень показав, що основними факторами, котрі гальмують інтеграцію вимушених мігрантів, є нерозв'язаність проблеми з житлом для багатьох мігрантів; низький рівень доходів, недостатній для комфортного життя; обмеження виборчих прав, що спричиняється

статусом внутрішньо переміщених осіб. Виявлено показники високого, середнього та низького рівнів соціальної адаптації вимушених мігрантів. Зроблено висновок, що різниця в рівні соціальної адаптації вимушених мігрантів є наслідком різного об'єму соціокультурного капіталу, який вони мали до переселення.

Ключові слова: соціальна адаптація, вимушені мігранти, внутрішньо переміщені особи, соціокультурний капітал.

Постановка научной проблемы и ее значение. Вынужденная миграция¹ в современном мире приобрела черты массового явления, что связано с эскалацией международных и внутригосударственных вооруженных конфликтов и войн, экологических и экономических кризисов. Немаловажную роль в распространении этого явления играет интенсификация социальной и пространственной мобильности населения. В Украине проблема вынужденной миграции стала особенно актуальной с началом вооруженного конфликта на Донбассе. Наиболее интенсивный поток вынужденных мигрантов пришелся на осень 2014 г. На сегодня, спустя четыре года после начала массовой миграции, число зарегистрированных внутренне перемещенных лиц несколько снизилось и составляет, по последним данным Министерства социальной политики, 1 522 743 человека. Большое количество проблем, с которыми сталкиваются внутренне перемещенные лица, до сих пор в полном объеме не решены, а социальную адаптацию многих вынужденных мигрантов сложно назвать успешной. В связи с вышесказанным можно предположить, что изучение детерминант социальной адаптации вынужденных мигрантов может способствовать выработке эффективных мер по содействию их интеграции в принимающие сообщества.

Анализ исследований по проблеме. Изучение проблем социальной адаптации мигрантов началось в 20–30-е гг. в социологической школе Чикагского университета, самыми известными представителями которой являются Л. Вирт, Х. Дункан, Р. Парк, У. Томас и Ф. Знанецкий. В контексте проблемы pull/push (притяжения-выталкивания) миграционные процессы изучают Г. Джером, Е. Ли. В этносоциологии проблемы миграции исследуют К. Дэвис, Ю. Арутюнян, Л. Дробижева и др., в контексте теории сетей – Д. Массей. Детерминанты социальной адаптации исследовали А. Гамбергер, Д. Берри, Р. Борхис, В. Боссвик, Д. Джименез, Д. Манчини, Л. С. Муасе, С. Перро, А. Портес, С. Сенекаль, Ф. Хекман, Г. Эссер; А. Алексеенко, О. Балакирева, Е. Блинова, В. Гриценко, Л. Корель, А. Кириллова, З. Лепшкова, Н. Мастикова, В. Мукомель, Ю. Сорока, И. Титар, Н. Шульга и др. Тем не менее, фокусированное рассмотрение детерминант социальной адаптации вынужденных мигрантов в украинском обществе в отечественной социологии не проводилось.

Цель статьи – выявление основных детерминант социальной интеграции вынужденных мигрантов в украинском обществе, анализ их содержания в контексте современных социологических теорий, а также характеристика различных уровней (высокого, среднего и низкого) социальной адаптации. Для реализации этой цели выполняются следующие **задачи**: проводится анализ содержания объективных и субъективных детерминант социальной интеграции мигрантов, выделяются основания для сравнения различных уровней социальной интегрированности мигрантов и представляются показатели высокого, среднего и низкого уровней социальной интеграции мигрантов.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В современной социологии выделяют несколько измерений интеграции мигрантов: культурное (знание языка принимающего сообщества, понимание особенностей его культуры и уважение к его основным нормам), социальное (включенность в систему образования и социального обеспечения, наличие/качество жилья), экономическое (доступ к рынку труда, уровень и длительность занятости/безработицы, самозанятость, занятость на дому, случайные заработки) и политическое/гражданское (наличие права голоса и возможность баллотироваться на выборах, участие в деятельности политических партий и выборах, в публичных акциях и демонстрациях, членство в местных советах) (Hamberger, 2009; AgerandStrang, 2008). Соответственно, можно выделить различные социальные детерминанты интеграции вынужденных мигрантов в конкретных общественных контекстах.

Социоэкономическая детерминанта, включающая наличие жилья (общественного, арендованного или собственного), «конвертируемой» или востребованной на новом месте жительства специальности,

¹Под вынужденной миграцией будем понимать «миграционные потоки, причиной которых является угроза жизни или благосостоянию людей вследствие природных, техногенных или политических (например войны и межнациональные конфликты) причин» (Попова, Батаева, 2017, с. 42).

работы и доходов, позволяющих мигрантам чувствовать себя финансово защищенными и независимыми. По результатам исследований, представленных в отчете Национальной системы мониторинга ситуации с внутренне перемещенными лицами (июнь 2018 г.), проводимого Международной организацией по миграции (Звіт Національної системи, 2018, с. 48), главными факторами интеграции мигрантов являются жилье¹ (86 %), постоянный доход (66 %) и занятость (48 %). При этом в качестве основной причины возврата на неподконтрольные Украине территории 78 % вынужденных мигрантов назвали наличие жилья и частной собственности на этих территориях (Звіт Національної системи моніторингу, 2018, с. 8).

Что касается доходов вынужденных мигрантов из Донбасса, то их размеры сложно назвать достаточными для комфортной жизни. В разных регионах Украины средний доход вынужденных переселенцев различается. По результатам упомянутого выше мониторинга, наибольший доход зафиксирован в Киеве (3529 грн в месяц), наименьший – в Харьковской, Днепропетровской и Запорожской областях (1751 грн в месяц) (Звіт Національної системи, 2018, с. 20). За 2018 г. доходы вынужденных мигрантов в Украине не выросли и составляют всего 57 % от среднего дохода украинцев в целом. При этом более половины опрошенных заявили, что им приходилось прибегать к стратегии выживания по причине отсутствия денег на покупку еды.

Проблема занятости вынужденных мигрантов в Украине в июне 2018 г. усугубилась, по сравнению с предыдущими годами. Только 42 % вынужденных мигрантов имеют работу, среди них только 70 % заняты на постоянном рабочем месте. При этом заработная плата является основным источником доходов для 54 % домохозяйств вынужденных мигрантов (Звіт Національної системи, 2018, с. 22).

Одной из причин низкого уровня экономической защищенности мигрантов является значительное несоответствие между потребностями рынка труда в принимающих сообществах и профессиональной компетентностью мигрантов, которая была актуальна на рынке труда в подающем обществе. Структура рынка труда Донбасса до вооруженного конфликта была достаточно специфичной и определялась ориентацией экономики на горнодобывающую промышленность, крупные промышленные предприятия и значительный государственный сектор. После переезда многие специалисты оказались невостребованными, что привело к необходимости их перекавалификации и вынудило начать карьеру с нуля. Кроме того, именно повышение конкуренции на рынке труда стало причиной не слишком радушного отношения к мигрантам в принимающих сообществах.

Позитивное отношение к мигрантам со стороны новой референтной группы, или, по Д. Манчини, положительная «позиция принимающего общества» (Mançini, 1988). Как полагает Н. Мастикова, чем богаче и экономически успешным является общество, тем более терпимым оно будет по отношению к мигрантам (Мастикова, 2016, с.101). Помимо экономического, следует добавить политический параметр толерантности: чем более политически стабильным является общество, тем мягче оно будет реагировать на миграционные процессы; чем выше политическая культура представителей принимающего общества, тем корректнее будет его поведение по отношению к мигрантам.

Взаимоотношения между мигрантами и принимающим сообществом определяются уровнем «социального отторжения/эксклюзии»² мигрантов в конкретном обществе (концептуализацию и эмпирическую идентификацию социального отторжения вынужденных мигрантов предложили Т. Бурчарт, Д. Легранд, Д. Матисон, Дж. Джоель-Гисберг, К. Вруман, И. Локтева) (Балакірева, 2016). Дж. Джоель-Гисберг и К. Вруман выделили 4 детерминанты социальной эксклюзии социальных акторов – материальная депривация и недостаточный доступ к базовым социальным благам

¹ Жилищная проблема мигрантов в Украине на сегодня решается практически теми же средствами и в том же объеме, с незначительными улучшениями, что и в 2015 г. Основными средствами решения этой проблемы является предоставление денежной компенсации на оплату аренды жилья и коммунальных услуг и предоставление социального жилья, например в общежитиях или в модульных городках. Но вынужденные мигранты не считают эти меры достаточными.

² «Считается, что человек является социально отторгнутым, если: а) он проживает в пределах определенной общины; б) по причинам, которые находятся за пределами его контроля, он не может участвовать в нормальной деятельности, характерной для большинства членов этой общины; в) однако человек хотел бы участвовать в такой деятельности» (Балакірева, 2016).

(дистрибутивні детермінанти), ограничене соціальне учасня і слабкість нормативної інтеграції (реляційні детермінанти). Деякі детермінанти соціальної ексклюзії вимуджених мігрантів спостерігаються в українському суспільстві. Так, додаткове тиснення на ринок праці і житла, обумовлене притоком вимуджених мігрантів, в умовах нестатку ресурсів на цих ринках посилює матеріальну депривацію мігрантів; недостатня сформованість соціальних мереж в приймаючому суспільстві впливає на ограниченість соціального учасня мігрантів. Що стосується детермінанти «недостатній доступ до соціальним благам, надаваним переважно державою», то, як представляється, в Україні вона в меншій ступені формує соціальне відторження мігрантів приймаючим суспільством, оскільки українське суспільство в цілому не має високого рівня довіри і очікувань в стосунку державних інститутів. Недостаток нормативної інтеграції, ймовірно, також не грає значущої ролі в силу неоднорідності українського суспільства, хоча ця детермінанта може грати важливу роль в рамках локальних суспільств на мікрорівні.

Матеріальна депривація породжує дискримінацію в полі доступу до ресурсів. По результатам моніторингу 2018 г. (Звіт Національної системи, 2018, с. 51), тільки 12 % вимуджених мігрантів спробували дискримінацію по стосунку до себе по признаку приналежності до категорії внутрішні перемещенні осіб. Основним контекстом дискримінації була сфера житлової власності (34 %) і праця (32 %). Менше значуща дискримінація в області доступу до соціальним благам в сфері охорони здоров'я (29 %), адміністративних послуг (16 %) і освіти (6 %). Ограничення соціального учасня може проявитися в дискримінації в сфері взаємодії з місцевим населенням (24 % мігрантів спробували дискримінацію такого виду).

Релевантність соціокультурних систем подаючого і приймаючого суспільств (А. Шютц), яка проявляється в сходстві мовного, релігійного, культурного, ментального, історичного контекстів існування мігранта до і після переселення. Використовуючи інші терміни, в даному контексті можна говорити про відсутності (або незначущому проявленні) «культурної дистанції», або «культурного конфлікту» (Mancini, 1988) між подаючим і приймаючим суспільствами. Касателно української ситуації можна передположити, що вимуженні мігранти з Донбасу, переселившися в східні регіони країни, які в соціокультурному стосунку незначущо відрізняються від культурного контексту покинутої батьківщини (в повсякденному житті використовується російська мова, домінуючою релігією є православ'я, а історичне минуле релевантно історії Донбасу), потрапляють в умови, сприяючі їх соціальної інтеграції.

Довготривалість перебування в приймаючому/локальному суспільстві (темпоральний показник)¹. Чим довше мігранти знаходяться в соціокультурних умовах приймаючого суспільства, тим більше звичним для них стає образ життя оточуючих осіб, тим з більшою ймовірністю вони зможуть з часом відчути себе «на своєму місці». По даним моніторингу Міжнародної організації по міграції (червень 2018 г.), більше 62 % вимуджених мігрантів з Донбасу і Криму знаходяться на новому місці проживання більше трьох років. Тільки 28 % висловили бажання повернутися на старе місце проживання після закінчення конфлікту (Звіт Національної системи, 2018, с. 7). Основними мотивами переїзду по підконтрольній Україні території є пошук праці і/або більш доступного житла. Незважаючи на збільшені можливості міжнародної трудової міграції, незначуща частина переселенців заявила, що вже знайшла роботу за кордоном (1 %) або сподівається її знайти в найближчому майбутньому (4 %).

Громадянське/політичне учасня (учасня в місцевих і національних виборах, в діяльності політичних партій і профспілок, публичних акціях і демонстраціях, в місцевих советах і волонтерських організаціях), яке посилює почуття приверженності мігранта приймаючому суспільству. Специфіка ситуації з громадянським учасням вимуджених мігрантів в Україні заключається в тому, що статус внутрішні перемещеної особи обмежує їх виборче право, тому громадянську активність слід оцінювати не тільки по факту учасня, але і по бажанню

¹ По мненню В. Мукомеля, «довготривалість перебування на новому місці проживання (відповідно, накопленний соціальний, культурний і матеріальний досвід), є визначальними факторами успішності адаптації представників мігрантських меншинств» (Мукомель, 2007, с. 152).

мигрантов участвовать в общественной жизни страны. По данным исследования 2018 г. (Збираючи пазл, 2018), в выборах Президента Украины в 2014 г. участвовали 8,5 % вынужденных переселенцев, в выборах в Верховную Раду – 6,3 %, в местных выборах 2015 г. – 3,9 %. При этом мигранты объяснили, что не участвовали в выборах по причине отсутствия такой возможности (38; 40,9 и 41,6 % соответственно). В восточных областях Украины процент желавших участвовать в выборах, но не имевших такой возможности оказался еще более значительным (62,5; 66,8 и 67 % соответственно).

Дисперсное проживание мигрантов среди населения принимающего общества способствует установлению множественных связей с доминирующей группой, что является показателем социальной и структурной интеграции. Дисперсное проживание способствует снятию чувства изолированности и отчужденности от окружающих, помогает мигрантам почувствовать себя «своими» в локальном сообществе. Как свидетельствуют результаты исследований, дисперсно проживающие мигранты психологически увереннее себя чувствуют и, как следствие, быстрее справляются со сложностями адаптации по сравнению с компактно проживающими переселенцами (Гриценко, 2002, с. 139).

В Украине на сегодня существует несколько способов решения жилищных проблем для лиц, имеющих статус внутренне перемещенных: расселение в специально отведенных для этого местах компактного проживания (это либо модульные городки¹, которых в Украине семь, либо турбазы и пансионаты, которые на данный момент практически уже не используются с целью размещения мигрантов); расселение в общежитиях (в зависимости от состава проживающих там, такой тип проживания может как соответствовать понятию «компактное проживание», так и не соответствовать); денежная компенсация для аренды жилья и коммунальных услуг (этот тип льгот способствует дисперсному проживанию мигрантов); льготное кредитование для покупки жилья (этот тип льгот может способствовать как компактному проживанию, так и дисперсному, в зависимости от способа использования кредита).

Урбанизированный контекст адаптации (пространственный показатель). «Интеграция мигрантов в принимающее общество в слабоурбанизированной среде идет существенно медленнее, нежели в урбанизированной» (Мукомель, 2007, с. 152). Это может быть связано с более высоким уровнем нетерпимости сельского населения по отношению к «чужакам»², а также тем, что в городе мигранты «находят больше возможностей для обретения своего места в новом окружении, чтобы чувствовать себя более комфортно» (Гриценко, 2002, с. 129). Можно предположить, что эти тезисы не вполне применимы по отношению к мигрантам из сельской местности, которым, наоборот, сложнее будет привыкать к жизни в городе. Способствовать социальной адаптации мигрантов может соответствие/конкорданс форм проживания на прежнем и новом месте (переезд из города в город или из села в село) и, наоборот, препятствовать успешной и быстрой адаптации может несоответствие/дискорданс этих форм (переезд из села в город или наоборот).

Социально-демографические характеристики, такие как возраст, пол, образование, наличие/отсутствие семьи. Оказывается, что быстрой адаптации способствует более средне-молодой возраст (пожилым гораздо труднее приспособиться к новым условиям жизни³ (Гриценко, 2002, с. 123); наличие средне-специального или высшего образования, что связано с профессиональными навыками, позволяющими найти работу на новом месте жительства и, как следствие, интегрироваться в принимающее сообщество (Мастикова, 2016, с. 104); наличие семьи, поддерживающей и стимулирующей поиск вариантов социально-экономической интеграции. Отмечается, что мужчины быстрее адаптируются, а женщины дольше переживают привязанность к оставленному жизненному контексту, что мешает

¹ Модульные городки как места временного и компактного проживания мигрантов построены и заселены в начале 2015 г. Жилье в них предоставлялось наиболее уязвимым семьям на 2–3 месяца, однако большинство этих семей живет в модульных городках до сих пор.

² «Самый высокий уровень межэтнической напряженности наблюдается в сельской местности, а также в небольших городах» (Мастикова, 2016, с. 104).

³ Среди зарегистрированных в Украине ВПЛ 570 тыс. составляют пенсионеры. Однако не все они постоянно проживают на подконтрольной Украине территории. Некоторую их часть составляют «пенсионные мигранты», которые большую часть времени проживают на неподконтрольной Украине территории, а за пенсиями приезжают на подконтрольную территорию. Согласно мониторингу, проведенному Международной организацией по миграции, только 18 % мигрантов – в возрасте 60 лет и старше, 18–59 лет – 54 % вынужденных мигрантов, а тех, кому меньше 18 лет, – 28 %.

им психологически настроиться на необходимость приспособления к новым условиям жизни (ZhengWu, 2012). По результатам исследования В. Гриценко, «женщины более остро переживают кризис личностной и социальной идентичности в условиях изменившейся социально-культурной реальности», что может мешать им психологически принять новый образ жизни (Гриценко, 2002, с.120).

Способствуют социальной адаптации межгрупповые или смешанные браки, заключаемые между представителями принимающего общества и мигрантами, что, в свою очередь, влияет на развитие чувства принадлежности мигранта принимающему обществу. Негативно влияет на процесс социальной адаптации мигрантов «разорванность семьи» (часть близких родственников осталась на предыдущем месте жительства, часть мигрировала). Семья будет стремиться к воссоединению и есть вероятность того, что это произойдет на родине мигрантов. То есть факт разорванности семьи может настраивать мигрантов на возвращение домой и не будет стимулировать адаптационную активность.

Объективные и субъективные детерминанты социальной интеграции вынужденных мигрантов оказывают влияние на формирование различных уровней их адаптированности. В. Мукомель различает три группы вынужденных мигрантов по степени интегрированности в принимающее общество: интегрированные, частично интегрированные и неинтегрированные.

А. Алексеенок предложила следующие показатели адаптированности вынужденных мигрантов: высокая степень социальной адаптации связана с идентификацией мигрантов в качестве равноправных субъектов местного сообщества и со сближением мигрантов с местным населением по большинству социально-экономических показателей; средняя степень социальной адаптации связана со сближением мигрантов с местным населением по отдельным социально-экономическим показателям; низкая степень социальной адаптации связана со значительными различиями между мигрантами и местным населением по социально-экономическим показателям, а также с идентификацией мигрантов с референтной группой вынужденных мигрантов (Алексеенок, 2006). Представим показатели высокого, среднего и низкого уровней социальной адаптированности вынужденных мигрантов, которые, на наш взгляд, целесообразно использовать в социологических исследованиях (см. табл. 1). В качестве критериев различения будем использовать следующие основания: направленность идентификации; наличие жилья; удовлетворенность жилищными условиями; вид занятости; соответствие квалификации потребностям местного рынка; уровень доходов; наличие гражданства или статуса вынужденного переселенца; доступ к базовым социальным благам; социальные контакты с местным населением; длительность пребывания на новом месте жительства; удовлетворенность жизнью, отношениями с новым окружением, профессиональной деятельностью; оптимистическая оценка жизненной ситуации; чувство принадлежности к принимающему обществу; чувство дискомфорта, связанное с переездом и необходимостью привыкать к жизни в новых условиях; субъективная оценка отношения принимающего общества к мигрантам; субъективная оценка освещения темы миграции из Донбасса в украинских масс-медиа.

Таблица 1

Уровни социальной адаптации вынужденных мигрантов

Уровень социальной адаптации	Показатель
Высокий	Ощущение себя частью локальной общины. Наличие постоянного жилья (в частной собственности или в долгосрочной аренде), удовлетворенность жильем. Наличие постоянной работы, которая соответствует квалификации/предпочтениям переселенца (или наличие у него собственного бизнеса). Доходов хватает для удовлетворения основных и дополнительных потребностей (развлечение, отдых), есть сбережения. Наличие друзей/хороших знакомых среди местного населения. Оптимистическое отношение к жизни, планирование будущего. Желание остаться на новом месте жительства. Удовлетворенность жизнью, работой и своим положением в локальном сообществе. Ощущение доброжелательного отношения к себе со стороны локального сообщества.

Окончание таблицы 1

1	2
Средний	Идентификация себя как с принимающей, так и с подающей общиной или группой мигрантов. Нет постоянного жилья, жилищные условия отчасти удовлетворяют. Наличие часто сменяемой (чаще 1 раза в год) работы или работа не соответствует квалификации/предпочтениям. Доходов хватает только на удовлетворение основных потребностей (питание, одежда, обувь, гигиена). Активное взаимодействие с местным населением, в основном в рамках профессиональной деятельности. Отчасти оптимистическое отношение к жизни, сосредоточенность на решении текущих задач. Отсутствие четкого намерения оставаться в дальнейшем на новом месте жительства. Частичное удовлетворение жизнью, работой и своим положением в локальном сообществе. Ощущение отчасти доброжелательного отношения к себе со стороны локальной общины
Низкий	Идентификация с подающей общиной, ощущение себя чужим на новом месте жительства. Проживание в предоставленном миграционной службой помещении, неудовлетворенность жильем. Отсутствие работы или временная работа, не соответствующая квалификации. Доходов не хватает на необходимое, приходится экономить на базовых потребностях. Слабые контакты с местным населением. Пессимистическое отношение к жизни, отсутствие планов. Желание поменять место жительства (вернуться домой или переехать в другой город/село). Неудовлетворенность жизнью, работой и своим положением в локальном сообществе. Ощущение недоброжелательного отношения к себе со стороны локального сообщества.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Анализ ситуации с социальной адаптацией вынужденных мигрантов в украинском обществе показал, что спустя четыре года после начала массовой миграции, несмотря на отсутствие или незначительность некоторых социальных барьеров, уровень адаптации нельзя признать высоким. Проблема жилья у многих мигрантов не решена; социально-экономическое положение гораздо хуже, чем в среднем у представителей принимающего сообщества; статус внутренне перемещенного лица, обеспечивающий предоставление определенных льгот, в то же самое время осложняет социальную адаптацию, поскольку не позволяет в полной мере участвовать в жизни локальной общины и ограничивает некоторые права мигрантов (к примеру избирательные). Однако можно сделать вывод, что значительная часть вынужденных мигрантов смогла адаптироваться на новом месте жительства.

Можно предположить, что различие в степени адаптированности вынужденных мигрантов является следствием разного объема их социокультурного капитала, который они имели до переселения (ведь в процессе переселения и после него практически все мигранты объективно находились в одинаковых условиях), что требует дополнительного изучения. Кроме того, в дальнейшем следует изучить проблему взаимосвязи между различными факторами социальной адаптации вынужденных мигрантов.

Источники и литература

1. Балакірева, О. (ред.) (2016). *Вимушені переселенці та приймаючі громади: уроки для ефективної суспільної адаптації й інтеграції*: наук. доп. Київ, Ін-т економіки та прогнозування НАН України, 140 с.
2. Берри, Дж., Пуртинга, А. Х., Сигалл, М. Х., Дасен, П. Р. (2007). *Кросс-культурная психология. Исследования и применение*. Харьков: Гуманит. центр, 560 с.
3. Гриценко, В. (2002). *Социально-психологическая адаптация переселенцев в России*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 252 с.
4. Мاستикова, Н. (2016). Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.). *Социологический журнал*, Т. 22, № 1, С. 95–113.
5. Мукомель, В. (2007). Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. *Методология и методы изучения миграционных процессов*. Междисциплинарное учеб. пособие; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. Москва: Центр миграционных исслед., С. 142–170.

6. Попова, О., Батаева, Е. (2017). Социокультурный капитал вынужденных мигрантов: теория и проблема измерения. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи»*, Вип. 39, С. 41–52.
7. Ager, A., Strang, A. (2008). Understanding Integration: A Conceptual Framework. *Journal of Refugee Studies*, 21(2), P. 166–91.
8. Hamberger, A. (2009). Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration. *Journal of Identity and Migration Studies*, Vol. 3, No 2, P. 2–21.
9. Mancini, B. J. (1988). No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday. *International review of modern sociology*, Vol 18, № 2, P. 182–204.
10. Zheng, Wu., Schimmele, C., Feng Hou. (2012). Self-perceived Integration of Immigrants and their Children. *Canadian Journal of Sociology*, № 37(4), P. 381–408.
11. Алексеенко, А. (2006). Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в условиях преобразований современного российского общества, <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-adaptatsiya-bezhentsev-i-vynuzhdennyh-pereselentsev-v-usloviyah-preobrazovaniy-sovremennogo-rossiyskogo-obsch>
12. Збираючи пазл: вплив внутрішнього переміщення на права людини та доступ до адміністративних послуг в Україні. Звіт за результатами дослідження (2018). <http://www.ua.undp.org/content/dam/ukraine/docs/DG/Ombudsman's%20project/IDP-p.pdf>
13. Звіт Національної системи моніторингу ситуації з внутрішньо переміщеними особами (2018). http://iom.org.ua/sites/default/files/nms_round_10_ukr_press.pdf

References

1. Balakireva, O. (red.) (2016). *Reluctant migrants and host communities: lessons for effective social adaptation and integration: a scientific report*. Kyiv, Institute of Economics and Predicting, National Academy of Sciences of Ukraine, 140 p.
2. Berry, J., Poortinga, Y. H., Segall, M. H., Dasen, P. R. (2007). *Cross-Cultural Psychology. Research and application*. Kharkiv : Humanitarian Center, 560 p.
3. Gritsenko, V. (2002). *Socio-psychological adaptation of immigrants in Russia*. Moscow : Publishing House «Institute of Psychology, RAS», 252 p.
4. Mastikova, N. (2016). Inter-ethnic tensions in Russia and Europe (according to ESS data for 2012). *Sociological journal*, Vol. 22, No. 1, P. 95–113.
5. Mukomel, V. (2007). Methodical and practical aspects of the study of the integration of immigrants: the specifics of the post-Soviet space. *Methodology and methods of studying migration processes*. Interdisciplinary study guide; Ed. Z. Zayonchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel. Moscow: Center for Migration Studies, P. 142–170.
6. Popova, O., Bataeva, E. (2017). Socio-cultural capital of reluctant migrants: theory and measurement problem. *Visnyk of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Sociological studies of contemporary society: methodology, theory, methods*, Issue 39, P. 41–52.
7. Ager, A., Strang, A. (2008). Understanding Integration: A Conceptual Framework. *Journal of Refugee Studies*, 21(2), P. 166–91.
8. Hamberger, A. (2009). Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration. *Journal of Identity and Migration Studies*, Vol. 3, No 2, P. 2–21.
9. Mancini, B. J. (1988). No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday. *International review of modern sociology*, Vol 18, № 2, P. 182–204.
10. Zheng, Wu., Schimmele, C., Feng, Hou. (2012). Self-perceived Integration of Immigrants and their Children. *Canadian Journal of Sociology*, 37(4), P. 381–408.
11. Alekseyenok, A. (2006). *Social adaptation of refugees and IDPs in the conditions of transformations of modern Russian society*. Retrieved October 10, 2018 from <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-adaptatsiya-bezhentsev-i-vynuzhdennyh-pereselentsev-v-usloviyah-preobrazovaniy-sovremennogo-rossiyskogo-obsch>
12. *Picking up a puzzle: the impact of internal displacement on human rights and access to administrative services in Ukraine*. Research Report (2018). Retrieved October 10, 2018 from <http://www.ua.undp.org/content/dam/ukraine/docs/DG/Ombudsman's%20project/IDP-p.pdf>
13. *National Monitoring System Report on the Situation of Internally Displaced Persons* (2018). Retrieved October 10, 2018 from http://iom.org.ua/sites/default/files/nms_round_10_ukr_press.pdf